Юрий Аверченков

Диалог с ожидающим

— Медбрат… Медбрат…
Он резко поднял голову. Свет от настольной лампы больно ударил в глаза. Зажмурился. Потом медленно, преодолевая противное жжение в веках, приоткрыл правый глаз. Тут же закрыл. Потом левый. Повторив это нехитрое упражнение несколько раз, он уже смог различить в темноте стоящие вдоль стен длинного больничного коридора стулья, соединенные друг с другом хитроумными металлическими перемычками.
Кто-то его звал. Но кто? Может, у роженицы начались схватки? Нет. Голос был очень спокойным, уверенным и настойчивым, да и прозвучал совсем близко, точно не из палаты. Он посмотрел направо и налево. В коридоре никого не было, только свет луны выдавливал на стену полумертвое очертание роддомовского окна. Померещилось, наверное, спросонья. Медбрат встал из-за стола, поправил не менее серый при дневном свете, чем в темноте халат. Ноги занемели от долгой неподвижности, да и шея сильно затекла, ведь спать, сидя при включенной настольной лампе, положив голову на руки, не так уж удобно. Но ничего, он привык. Потянулся, подергал руками и ногами, повращал головой, приводя в порядок отказывающуюся слушаться шею. Вот так-то лучше.
— Медбрат… — прозвучал эхом в тиши коридора услышанный ранее голос, — Медбрат…
Резко обернувшись в ту сторону, откуда слышался детский писк, — да, именно детский, женщина вряд ли смогла бы так его позвать — заметил, что опять же никого нет. Табун сумасшедших муравьев с замерзшими лапками пробежал по спине. Теперь уже сомнений не было. Его звали, причем точно не из палаты, а стоя в коридоре в двух шагах от него. Может быть, кто-нибудь решил его разыграть? Кто? Дежурившая на втором этаже престарелая тетя Шура? Она этим заниматься не будет. А больше некому. Все дежурные врачи в другом отделении.
— Кто здесь? — спросил он, стараясь говорить как можно более грозно и внушительно, но получилось не очень впечатляюще, слишком робко.
— Я, — ответил кто-то.
Медбрат отпрыгнул от зияющего пустотой говорящего рядом с ним пространства.
— Да ты не бойся. Сядь за стол. Извини, правда, что «тыкаю».
Почти провалившись с головой в медицинский халат, он попятился к столу и послушно сел на стул. Может быть закричать? Ну и что? Перепугает всех рожениц, сбежится медперсонал и даже тетя Шура со второго этажа. Походят, посмотрят — никого нет. Отправят потом в психушку — врачи ведь, в диагнозах разбираются. Оставалось только молча сидеть на стуле и трястись, пялясь в пустоту.
— Ничего плохого я тебе не сделаю, не бойся. Просто поговорить с тобой хочу. Успокойся, не трясись. Как тебя зовут?
— Б-борис, — заикаясь, с трудом выдавил он.
— Отлично, Боря, Вот и познакомились!
Я смотрю, у тебя свободное время есть, а у меня уже все сроки поджимают. Может, дня два осталось, не больше. Надо мне успеть все обдумать.
— К-кому «мне»? — спросил он, все еще заикаясь, но немного успокоившись, слыша довольно дружелюбную речь писклявого собеседника.
— Как бы тебе представиться? У меня даже имени еще нет… Не придумали. Вот, фамилию знаю, а имени нет.
— Т-так по фамилии тебя как?
— Филиппов. Это отца фамилия, значит и у меня такая же.
— Слышь, Ф-филиппов, а ты где?
— Только не пугайся, — у мамы в животе.
— Ну, вот, бред какой-то чудится, — промелькнуло в голове Бориса, — не нужно было спирт из лаборатории пить позавчера. Видно, у меня от этого разжыж мозгов и галлюцинации. Но пока только звуковые.
— А чего я тебя не вижу? — поинтересовался медбрат.
— Потому что меня нет — я еще не родился.
— Н-ну, хорошо, предположим, что ты в материнском чреве. Но, если это действительно так, то разговаривать, а тем более мыслить т-такими предложениями ребенок, а точнее зародыш, не в состоянии, — успокаивал себя медбрат.
— Будем считать, что на «зародыша» я не обиделся. Насчет же своих умственных способностей поясню. Ты, я вижу, в белом халате, то есть в медицине должен хоть что-нибудь понимать. Так ведь?
Борис отрицательно покачал головой:
— Я полный дилетант в этой сфере. Меня сюда, честно говоря, по блату после школы пристроили. Моя задача — следить за порядком: чтобы молодые папаши по коридорам не бегали; да, если кому из рожениц плохо станет, то должен врачей позвать. Ну, в самом крайнем случае, я могу первую медицинскую помощь оказать…

— Вот видишь, хоть какое-то представление ты же имеешь, — прервала его звуковая галлюцинация, — да и школу закончил. Значит, все поймешь. Ты знаешь, что организм ребенка полностью взаимосвязан с материнским организмом. Я ем то, что ест моя мама, пью то, что пьет она. Даже радуюсь в то же время, когда и ей весело. Но, самое главное, кроме физиологической связи посредством пуповины, я еще имею и информационный контакт.
— Чего? — удивился медбрат, уже окончательно успокоившийся и заинтересовавшийся россказнями ребенка.
— Объясняю. Кроме пищи я могу получать и доступ к мозгу моей дорогой матушки. Захочу, пороюсь у нее в памяти, надоест — посмотрю с ней телевизор, книгу почитаю, в интернете посижу.
— Так что же, ты к ее глазам, что ли, подбираешься и через них смотришь? — сморозил глупость Борис.
— Нет, конечно же. Ее мозг обрабатывает информацию и передает сигнал в нервную систему, который я ловко перехватываю. И так мне хорошо удалось пристроиться! Через восемь месяцев я обнаружил, что могу общаться телепатически. И не только с другими нерожденными детьми, но и с взрослыми людьми, такими как ты.
— А с матерью своей разговаривал?
— Ты что! Нет, конечно же, — пропищал голосок, — а то перепугается до смерти, станет еще ей плохо… А раз маме плохо, то, соответственно, и мне… Да и о чем нам с ней разговаривать? Мне и так известно абсолютно все, что знает она. Даже больше. Я знаю, о чем мама думала и что видела в детстве. Естественно, она уже этого не помнит, но в мозгу все остается, ничего никуда не пропадает.
— Значит, ты телепат и общаешься со мной с помощью силы разума.
— Да.
— А что же тогда все остальные дети не разговаривают по ночам? Один ты только спать не даешь.
— Да потому, что они животные. С ними даже поговорить не о чем. Все «есть!», «пить!» да «спать!». У них в руках такая уникальная возможность получать ценнейшую информацию, а они ею так легкомысленно разбрасываются.
— Хорошо, допустим, что ты умеешь передавать мысли на расстоянии, — только сейчас Борис понял, что голос раздавался в голове, а совсем не звучал в двух шагах от него, как казалось раньше, — но видеть ты не в состоянии, ведь мать спит и меня не созерцает.
— Ты прав, я тебя не вижу сейчас. Но вот вечером мама проходила по коридору и остановила свой взгляд на клюющем носом медбрате, сидевшем за столом. Потому-то я и знаю, что ты в белом халате.
— Но об этом можно было и догадаться! — вскрикнул Борис.
— Ты среднего роста… Блондин с серьгой в ухе… Кроме того, у тебя на лбу красуется большущий прыщ. Теперь веришь?
— Теперь верю, — кивнул медбрат, нащупывая на лбу опухший бугорок.
— А обо всех твоих перемещениях я слышу из соседней палаты, где лежит Марина Андреевна Филиппова, моя мать.
— В какой палате?
— В пятой.
Действительно, палата № 5 располагалась сразу же рядом с его столом, поэтому в тишине ночи можно было услышать даже размеренное посапывание будущих мам.
— Ладно, — сдался Борис, — убедил в своем существовании, но меня мучает один вопрос: о чем ты хотел поговорить?
— Удовлетворяя твое любопытство, хочу открыть тебе свои планы на ближайший день. Мне предстоит решить вполне гамлетовский вопрос: рождаться или нет?
— Ничего себе вопросик, — протянул медбрат, — а разве у тебя есть выбор?
— Конечно, есть. Всегда, во всех ситуациях существует пусть скудная, но все же альтернатива. Я изучил ваш мир досконально благодаря мозгу своей матушки и теперь должен решить, буду ли я жить в этом аду или все же не стоит?
— Каком таком аду? Не знаю, не знаю… Кому ад, а кому нормально.
— Ну что, тебе хорошо живется?
— Вполне сносно.
— Ты миллионер, живешь на вилле, делаешь абсолютно все, что захочешь…
— Нет, но деньги это еще не главное… — перебил его Борис.
— А что же тогда главное? Может быть ты ослепительно красив, умен, являешься Нобелевским лауреатом… — иронизировала звуковая галлюцинация.
— Нет… но…
— Что «но»? В чем смысл твоего существования?

Хоть это ты знаешь?
— Ну как, в чем? Получить хорошую работу, обзавестись семьей, достойно встретить старость.
— Извини, конечно, но не обижайся. Именно из-за таких как ты, я и не хочу жить. Передо мной сидит медбрат, который, как и те неродившиеся дети, вопит «кушать!» и «спать!». Если ты уж хочешь найти хорошую работу, то чего ж сидишь здесь и получаешь гроши? Шел бы учиться в мединститут…
— Нет, туда не пробиться. Нужно блат иметь, да и деньги большие, у меня не получится…
— Бред! Ты не пробовал.
— А ты пробовал жить? — взорвался медбрат, — Тоже мне возомнил себя Эйнштейном! Как же можно отказываться от жизни, ни разу не вздохнув свежим воздухом…
— Он действительно свеж? А как же смог, — парировал ребенок.
— … не увидев неба, не повалявшись на траве, — не останавливался Борис, — не прижавшись к маме…
— Не побыв избитым, не послужив в армии, не ощутив прелесть обманов и предательств, не почувствовав горький вкус разочарований, — продолжил за него Филиппов, — не узнавая каждый день об убийствах и катастрофах из вечерних новостей.
— Ты перечисляешь только отрицательные моменты, как вонючий пессимист. Извини уж, что так разговариваю с ребенком.
— Как реалист, Боря, как реалист.
— Но, есть же и хорошие стороны жизни.
— Какие? — поинтересовался Филиппов.
— Любовь, например.
— Настоящая любовь, пылкая и сумасшедшая, ради которой действительно стоит жить существует только в книжках да сериалах. Этот миф придумали люди, чтобы хоть как—то скрыть свою похоть. На самом же деле, кругом измены и обман. Назови мне хотя бы одного твоего друга, который, встречаясь со своей девушкой, не изменяет ей. Медбрат думал больше минуты, но действительно ни одного честного имени вспомнить так и не смог.
— То-то же, — довольно прозвучал голос и, немного помолчав, продолжил, — Единственное, ради чего стоит жить — это информация. Получение и накопление знаний, изобретение новых технологий, которые позволили бы людям войти в новое тысячелетие достойно. Конечно, с уже полученными знаниями, чуть подучившись после рождения, я бы смог придумать что-нибудь сенсационное. Но природа умнее, чем нам кажется. Порывшись в маминой памяти, мне удалось обнаружить, что она также как и я в первые месяцы до своего «выхода в мир» копалась в мозгах моей бабушки. Но, появившись на свет и потеряв связь с материнским организмом, все ее знания улетучились. А точнее остались в подсознании, и уже не могут быть

выужены оттуда. Природа мудра, она заставляет любопытного младенца все забыть после того, как обрежут пуповину, потому что его мозг не в состоянии обработать такую объемную информацию без поддержки родительского мозга. Так что сильно умным мне стать не суждено, а жить обычным ребенком среди зла и разочарований я не хочу и не буду.
— Но ты не в силах что-либо изменить, все равно же придется увидеть этот мир, — возразил неродившемуся упрямцу Борис.
— Я разорву пуповину во время родов, — не унимался ребенок.
— Да у тебя сил не хватит!
— Хватит, я кроме занятий умственной деятельностью разработал и комплекс физических упражнений. Так что мне не составит особого труда осуществить задуманное.
— Ты эгоист! Пожалей мать! Она же умрет от горя, — вскочил со стула медбрат, но сразу сел обратно: вдруг кто увидит, подумают псих какой-то.
— Об этом я тоже думал, — спокойно отвечало на выпад Бориса безымянное дитя, — Да, ей будет тяжело. Но не долго. Она меня никогда не видела, поэтому не успела еще привыкнуть, привязаться. Моей маме придется переживать намного больше, если я останусь живым. Во-первых, она должна будет постоянно думать о том, как обеспечить мне счастливое детство: обуть, одеть, накормить. Во-вторых, ей придется плакать бессонными ночами, сидя у моей кровати и, пытаясь сбить температуру своему заболевшему ребенку. Потом школа с учителями-самодурами, вечными проблемами с оценками, поступление в институт с огромными взятками и блатом, как ты уже заметил. Потом армия: переживания по поводу того, как там сынок воюет в одной из горячих точек, останется ли он жив? Нет уж! Лучше облегчить ей жизнь. Пострадает недельку-другую, а там уж и забудется.
— Ты заблуждаешься, — медбрат ткнул указательным пальцем в пустоту, — Думаешь только о себе. А, между прочем, в рай тебе не попасть! Самоубийство — страшный грех!
— Правда? — весело протянул зародыш, — А разве совокупность всех грехов, накопленных мной за будущую жизнь, не превысит один данный грех? А вдруг я убью человека или, не выдержав лишений, застрелюсь? Вот тогда-то это будет грех! А сейчас, никто кроме тебя и не знает о том, что я задумал. Когда меня вытащат мертвого, грустно опустив головы, врачи скажут: «Видно на то воля Божья». Во всем обвинят Бога. И правильно, разве не он позволил мне так мыслить? Ведь Всевышний мог бы создать некоего Филиппова бездумным животным, жаждущим только еды и крепкого сна. То, что я решу, и будет волей Бога, потому что мой разум генерирует конкретные мысли только благодаря Ему.
— Прошу тебя, не делай этого! — взмолился медбрат, — Ты должен жить!
— Еще есть время. Я подумаю. А сейчас, нам придется распрощаться. Скоро уже рассвет, через некоторое время проснется мама. Она у меня Жаворонок! Поразмысли над моими словами. Действительно ли хорошо жить среди наркоманов, алкашей и прочих отморозков? Спасибо за беседу. Пока.
Голос пропал так же неожиданно, как и появился. Борис встал со стула и прошелся по коридору: может, ему это все почудилось? Нужно проверить. Он направился в регистратуру. В книге приема рожениц обнаружил запись: «Филиппова Марина Андреевна. 1974 г.р., прибыла 16.04.2000. Мальчик. Палата № 5». Сходится. Значит, все это правда. Борис вышел в коридор, открыл ключом лабораторию и, достав из стеклянного шкафа бутыль со спиртом, жадно отхлебнул, не разбавляя. Затем повесил на криво прибитый к стене крючок свой халат и пошел домой: время дежурства закончилось.

Через два дня он снова пришел в больницу. Опять была его очередь дежурить. Как всегда медбрат поднялся на второй этаж, чтобы поздороваться с сидевшей там тетей Шурой.
— А что это ты книжки какие-то приволок? — поинтересовалась пожилая медсестра с синяками под глазами — следствием регулярного недосыпания.
— Да, это, тетя Шура, я в мединститут поступать собрался. Вот учебники принес, готовиться буду… А что тут в роддоме, все спокойно?
— Ой, горе тут вчера произошло! У Филипповой с пятой палаты ребенок мертвым родился. Врачи говорят, будто у него пуповина разорвана была, так и помер, света белого не повидав, — задохся бедняга.
— Видно на то воля Божья, — вздохнул медбрат и пошел дежурить на первый этаж.

09.02.2001.